

Барыня глядела вороном, злобно. Сама вся бледная, как поганка, а парик – темный, и под ним глаза – две блеклые квелые бусины. Перстни Мишка ободрал сразу, но до сережек, больших, тяжелых, с синими камнями, пока не добрался. Сопля трусливая – протянешь к ушам руки, а бабка и укусит. Башка у Мишки не бедовая, а дубовая, у старухи-то и зубов, поди, нет. Василек отпихнул подельника – дай я. Медленно протянул руку, и ее оггло горячей едкой слюной, вцепилась-таки старуха осколками зубов, обслюнявила все белесыми деснами. От отращения аж передернуло, ну он сразу дал правой, наотмашь. Голова бабки дернулась, следом все тело, и она с грохотом завалилась на бок вместе со стулом. В груди у нее что-то сухо тренькнуло, и розовая пузырящаяся жидкость зашевелилась в уголке рта, капнула на цветастый, с длинным ворсом ковер.

– Ты чего, дурила, сделал! – заверещал Мишка.

Шея старухи неестественно дернулась в сторону, и, выкосивши злобный взгляд влево, она воздвигла вверх мраморный, с розовым, в скрученных прожилках палец. Прокляла, перед смертью прокляла!

За окном громыхнуло, в зеркале промелькнула молния, и Василек увидел в замершем отражении свою вихрастую голову, перекошенное в испуге лицо и чью-то темную сутулую тень за спиной. От испуга зажмурился. Но такую ледяную тоской про-

должало тянуть от фигуры, что болезненно съежилось сердце, словно тяжелая чугунная нога безжалостно наступила на него.

Он открыл глаза и, не решаясь пошевелиться, долго вслушивался в снова ожившую, рвущуюся из груди бешеную дробь. Чур меня, вот сон поганый. Медленно поднял голову, огляделся по сторонам. Уже светлело. От речки тянуло тиной и рыбой, парил холодный ноздреватый туман, вздернутый над темно-красными остатками костра. Где-то снова громыхнуло. Туман был с руки, проще будет уходить. А вот откуда пришла гроза?

Рядом в тумане сонно всхлипнула лошадь, и он снова прислушался. Тишина, самое время. Встал на четвереньки, потянул нож из-за голенища. Ближе всех спала мужичья баба, но ее Василек решил оставить напоследок. Баба спала на спине, вскидывала чему-то удивленные брови и глухо постанывала, колыхаясь обильными грудями. Вспомнилась Анфиска. Такая же рыжая и сдобная, как булка с маслом, особо жаркая по зиме в ласках.

Раздену обоз – и в город за гостинцами, закручу там недельку с девками, а потом к Анфиске, на дальний хутор. Уже на исходе август, осень заморосит холодом и дождями, и Еремей Петрович надолго сляжет со своим припадочным кашлем. Будет Васильку в чужом трактире с чужой бабой полная воля.

Следующим спал сам мужик, Дементий. Большая у него семья – три здоровенных сына и толстая откормленная жинка. Ох, от души торговали, будет что с кошелем срезать. Когда нож, слегка подрагивая, застыл малиновым блеском у морщинистой шеи, Дементий во сне звучно пёрнул, рыгнул, обдал кислым луком и перегаром. Старая боль и ярость нахлынули на ненавистный запах, лезвие бесшумно разрезало горло. Он привычно вытер нож о траву, откинул овчину, и руки метнулись к тяжелому мешочку на поясе. Засунул за пазуху. Ползком, потихоньку, потянулся на ту сторону костра. Два брата беззаботно и с шумом спали, прижавшись для тепла друг к другу. Третьего нигде не было.

– Ты что ж, гаденыш, делаешь!

Что-то тяжелое и твердое с хрустом врезалось в спину. Жесткая грубая рука вцепилась в волосы. На лицо накатила усатая морда с лиловым шрамом от уха до переносицы.

– Батьку, иуда, резать?!

Волосатый огромный кулак дернулся в лицо, и Василек крутанулся в сторону. Болью ожгло скулу, крутанулся сильнее, оставляя усатому лишь выдранные с корнем волосы. Рванул к реке прямо через кусты, как заяц, раздирая себя и одежду о тяжелые, густо сросшиеся ветви. Очутился в воде и поплыл, неловко и медленно, раздвигая склизкую жижу мелкими неуверенными гребками.

Одежда намокла сразу, с головою накрыло волной. Кошель, огромный и набитый деньгами, тянул, затягивал вниз, на дно. Уже глубоко, в глухой и вязкой толще он обессилено потянулся за пазуху, и руки споткнулись о твердый, холодный сквозь ткань металл. Вся рубаха оказалась набитой тяжелыми толстыми пятаками. Деньги были везде, в штанинах, в карманах, сыпались из широких растянутых голенищ.

Когда дно мягко стукнуло в ноги и прижало к спине, плоское и неудобное, Василий устало понял, что голоден и страшно хочет есть. Голова и спина, застывшие на холодном и жестком полу, болели невыносимо, во рту пересохло – там всласть побесилась стая ободранных обезьян. Накуриться дешевой дури и надраться шампанским и виски – это было новое слово в химии удовольствий. Прокляла старуха все-таки. Недалеко, навзничь, на широкой кровати удобно лежал Мишка, счастливо и сочно храпел. Когда вслед за голодом так же остро нахлынуло желание облегчиться, Василию пришлось приложить усилие, чтобы встать. Голова немного кружилась. Рука с опаской залезла в карман, и там сразу больно кольнуло. Он поморщился, вытащил

серьги, тяжелые, с синими камнями. Собравшись, поднялся и, шатаясь, побрел к туалету, по дороге надеясь сильно, с ноги, пнуть спящего Мишку.

Входная дверь в коридоре неожиданно исчезла в белой вспышке, сложилась вовнутрь, глаза обожгло сквозь веки, а по ушам будто ударило мешком с ватой. В себя опять он пришел внутри какой-то машины. Усатая морда с лиловым шрамом от уха до переносицы плясала сбоку и сверху.

– Ну что, очнулся, засранец, застанила флешка*? – Морда на миг отвернулась.

– А это, сучонок, тебе за бабулю.

Затылок больно и глухо врезался в шершавый металл автозака...

Валентина Николаевна сняла очки и потеряла слегка переносицу. В десятый раз посмотрела на мониторы, где все моргало в полном порядке, пока за каменной стеной с толстым, пропускающим свет только в одну сторону стеклом четвертый отряд продолжал беспокойный сон. Дергались ноги, сжимались и разжимались на руках пальцы, волнами на лицах пробегали гримасы.

Пять дней назад полковник Малюткин собрал совещание. Два столичных хлыща-очкарика в присутствии человека из Центра занудно вещали про новое слово в перевоспитании малолетних преступников, про альфа- и бета-волны. Когда Малюткин пошутил про нервную сеть и псевдоискусственный интеллект, все сначала заржали, но быстро притихли под недовольным взглядом федерального начальства, сдобренного прибавкой к окладу за участие в эксперименте.

– Наша Анфиса очень любит русскую классику!

– Какая еще Анфиса? – проворчал обиженный Малюткин.

– Нейросеть, я ее в честь супруги назвал, – ничуть не смущаясь, проблеял один из очкариков.

В этот раз на всякий случай никто уже не смеялся.

Валентина Николаевна, уже задумчиво, бросила взгляд на мониторы. Хотелось бы знать, что малолетним дебилам снится, но не дано – нейросеть подбирала сны в закрытом режиме и строго индивидуально. Да и черт с ней, лишь бы работала.

* Застанить флешкой – от англ. stun with flash, оглушить световумовой гранатой (сленг из компьютерной игры Counter Strike).